

„Чудаки“ Максима Горькаго.

Ближайшею за „Gaudeamus“ новинкою новаго драматическаго театра будетъ пьеса М. Горькаго „Чудаки“. „Бир. Вѣд.“ передаютъ ея содержаніе.

Герой новой пьесы Максима Горькаго— писатель Мастаковъ. Характеристику свою онъ даетъ самъ въ яркомъ діалогѣ.

— Я вѣрю, что побѣдитъ свѣтлое радостное—человѣческое. Я ищу вокругъ себя этихъ явленій. Жизнь—щедрa. Она мнѣ ихъ дастъ. Мнѣ нравится указывать людямъ на

свѣтлое, доброе въ жизни, въ человѣкѣ...

Я говорю: въ жизни есть прекрасное. Оно растетъ. Любовно поможетъ росту человѣчества...

Таковы его жизненные принципы. Но въ обыкновенной реальной жизни — онъ ребенокъ.

Окружающіе его друзья, несмотря на то, что не одарены талантами, смотрятъ на жизнь болѣе трезво. Даже Самоквасовъ, бывший полицейскій, выброшенный изъ колеи въ революціонные годы, яснѣе глядитъ вокругъ.

Съ писателемъ живетъ и любитъ его жена Елена.

У нея глаза широко раскрыты на жизнь вокругъ. Но оптимизмъ мужа, его солнечное творчество заставляютъ ее боготворить Мастакова.

Она относится къ нему съ глубокой вѣрой, не сомнѣвается въ его любви даже тогда, когда ей передаютъ о томъ, что мужъ за нѣсколько минутъ до ея прихода цѣловалъ Ольгу, авантюристку, женщину съ богатымъ прошлымъ, любящую одинаково сильные духи и сильныя ощущенія.

Возвращаясь со свиданія съ Ольгой, Мастаковъ припадаетъ къ женѣ:

— Я тебя люблю, такой хорошей, спокойной любовью. Какъ мать люблю я тебя, хотя ты и однихъ лѣтъ со мною... Я думалъ о тебѣ, шелькъ тебѣ. И вдругъ сложился недурной разсказъ...

И онъ передаетъ ей свой замыселъ.

Елена слушаетъ его. Думаетъ о той правдѣ, которую онъ несетъ міру, и молить его о маленькой правдѣ въ ихъ жизни.

Елена. Слушай. Говори мнѣ всегда всю правду. Всегда всю правду. Ложь, это—такая пошлость, такъ не идетъ къ тебѣ.

Мастаковъ. Правда. Иногда она такая дрянь. Точно летучая мышь, она кружится надъ головой твоей. Сѣренькая. Противная. Зачѣмъ онѣ нужны, эти маленькія правды, чему онѣ служатъ, никогда я не понималъ ихъ назначенія...

Елена молчитъ.

Вокругъ нея всё видятъ, что Мастаковъ лжетъ мелко, ничтожно. Врачъ Потѣхинъ, который съ каждымъ днемъ все больше и больше влюбляется въ Елену, пытается раскрыть ей глаза на поступки мужа. Но даже когда онъ показываетъ ей письмо, полученное тайкомъ мужемъ отъ Ольги, она молчитъ, глубоко впивая въ себя страданія и любовь.

Елена страдаетъ за всѣхъ.

Рядомъ съ ними живетъ на дачѣ умирающій студентъ въ домѣ своей невѣсты Зины.

Онъ мучается въ послѣдней стадіи чахотки. Зина его когда-то любила.

Она сама говоритъ про него:

— Убито такъ много силъ. Убито два года на борьбу за свободу человѣка, и теперь онъ лежитъ изломанный, полумертвый...

Это она понимаетъ умомъ. Головой. Но въ то же время съ тоской стонетъ Зина:— Дорогіе, что мнѣ дѣлать. Вѣдь я не люблю Васю. Я разлюбила его. Мнѣ его жалко. Нестерпимо жалко. Но я не могу. Эти холодныя, липкія руки. Запахъ. Мнѣ трудно слышать его голосъ. Его мертвыя злыя слова. Это ужасно: жалѣть и не любить. Это безчестно. Оскорбительно. Онъ говоритъ... И точно это не онъ уже. Говоритъ злыя пошлости. Онъ ненавидитъ всѣхъ, кто остается жить... И это тотъ, кого я любила. Ахъ, Боже мой. Елена, какъ хорошо было любить, какъ хорошо, когда любишь...

Елена. Да... Когда любишь... когда мы любимъ... Насъ нѣтъ...

Связь между Ольгой и Мастаковымъ продолжается. Елена страдаетъ, но молчитъ.

Она объясняетъ Потѣхину, почему она не оставляетъ мужа:

— Я говорила вамъ уже,—работа мужа важнѣй и цѣннѣе моего счастья женщины, цѣннѣе моей любви и важнѣе жизни моей. Я знаю себѣ цѣну, я чувствую себя человѣкомъ, нужнымъ ему просто, какъ человѣкъ. Я люблю весь строй его думъ и чувствъ. Я научилась презирать горе и понимать его ничтожность. Физическая измѣна, это—не насмѣшка еще, это можно объяснить десяткомъ причинъ...

Мастаковъ не рѣшается признаться женѣ. Это беретъ на себя Ольга.

Между обѣими женщинами происходитъ объясненіе, составляющее лучшія страницы пьесы. Ольга держится побѣдительницей. Елена, наоборотъ, сдержанна и спокойна.

— Зачѣмъ торжествующая улыбка,—говоритъ она,—мы обѣ—женщины. Сегодня я стою передъ вами въ смѣшномъ положеніи.

Увѣрены-ли вы, что завтра, черезъ недѣлю не будетъ то же?

Любовница отвѣчаетъ женѣ:

— Я совсѣмъ не хочу брать на себя задухъ его надзирательницы. Я не синий чулокъ. Вы рисуете его ребенкомъ. О, ля, ля. Знаю я этихъ ребятъ. Вы смотрите на меня, точно я вытаскала у васъ кошелекъ изъ кармана. Я кажусь вамъ вульгарной... Чего вы хотите? Развѣ я виновата въ томъ, что случилось? Я не встрѣчала людей такихъ, какъ онъ, не могла представить, что есть человѣкъ, который такъ необходимъ для меня.

Елена: А вы—для него...

Ольга: Это не ваше дѣло. Вы не смѣете допрашивать меня.

Елена убѣждается въ томъ, что Ольга не дастъ счастья ея мужу, и съ тоской говорить мужу:

— Это—дико. Это—пошло. Ты, такой ясный и чистый, ты могъ увлечься. Она тебя погубитъ. Для такихъ людей, какъ ты, женщины—ступени, по которымъ вы идете куда-то выше. Но она—ниже меня, и она—не для тебя. Ты нуженъ для меня. Я не допущу, чтобы ты служилъ ей развлеченіемъ.

Все послѣднее дѣйствіе разыгрывается передъ дачей, гдѣ умеръ студентъ.

У Зины точно гора спала съ плечъ.

Зинѣ нравится тоже Мастаковъ. И тутъ же, недалеко отъ трупa, когда писатель, живущій внѣ времени и пространства, начинаетъ фантазировать и называть ее русалкой, Зина сердцемъ, духомъ тянется къ нему.

Въ такой моментъ входитъ Ольга, которая по своей пошлости иначе не понимаетъ разговора съ Зиной, иначе не можетъ понять это, какъ амурное объясненіе. Она устраиваетъ ему сцену.

Но отвѣтъ ей даетъ вмѣсто него Елена.

Она говоритъ о мужѣ:

— Онъ живетъ, какъ во снѣ, и часто вѣрится въ сны. Онъ останется всю жизнь такимъ и не измѣнится никогда.

Ольга чувствуетъ себя побитой Еленой и уѣзжаетъ.

Мастаковъ выслушиваетъ отъ Елены небольшую нотацию:

— Выслушай меня внимательно и повѣрь, что я никогда болѣе не повторю тебѣ того, что скажу сейчасъ. Я не хочу мѣшать тебѣ ни въ чемъ, что можетъ увеличить красоту твоей души. Клянусь, это правда.

Мастаковъ. Я вѣрю. Я вѣрю тебѣ всегда... Понимаю, что сдѣлалъ тебѣ больно... это вышло нечаянно—иногда очень трудно понять, гдѣ кончается человѣкъ и начата женщина... Елена,—это случилось и бесполезно объ этомъ говорить,—словами не излечишь боль въ сердцѣ... я знаю. О, не бойся, я—хитрый. Очень трудно жить, не притворяясь... часто я играю роль блаженнаго и дурачка, который не понимаетъ своихъ поступковъ, и это очень помогаетъ мнѣ отталкивать отъ себя разныя пошлости и мелочи... Иногда я бываю смѣшонъ... помню моей воли—я знаю это. Знаю... и когда замѣчаю, что смѣшонъ, то пользуюсь этимъ тоже въ цѣляхъ защиты... Это не хорошо. Можетъ быть... можетъ быть... но это охраняетъ отъ пустяковъ... Жизнь—интереснѣе, честнѣе людей... Удивительно прекрасна эта наша человѣческая жизнь и хорошо быть каплей росы, въ которой на разсвѣтѣ отраженъ лучъ солнца. Мнѣ кажется, Лена, другъ мой, хорошій мой другъ, что всѣ люди, всѣ, вокругъ насъ съ тобой,—живутъ вторья, третья жизни, они рождаются стариками и жить имъ лѣнь. Стариками они рождаются, я—родился впервые, ребенкомъ, я счастливъ тѣмъ, что молодъ... и безгранично люблю все это... все живо... Я радъ, что живу, пьянъ отъ радости жить и мнѣ хочется разсказать всѣмъ, въпервое рожденнымъ, о счастьѣ моемъ... ты понимаешь меня, Лена. Не прощай мнѣ, но—забудь, хорошо?

Елена. Да.

Занавѣсъ падаетъ.